

въ общественныхъ дѣлахъ, что предположенія, совѣты, повелѣнія этихъ людей оказываются сами собою сбывающимися, дозволяетъ говорить о ихъ гениальности: пусть они въ движении ничто, какъ дѣятели, — по крайней мѣрѣ, они обнаруживаютъ пониманіе безъ нихъ дѣлающихся событий. Гр. Толстой не допускаетъ и гениальности (VI, 155 и слѣд.). Правда, мы слышимъ тутъ протестъ противъ героическихъ воззрѣній, дѣлавшихъ изъ геніевъ сверхъестественные феномены (VI, 245—246), но еще больше тутъ просто непониманія общественной дѣятельности и роли ея представителей въ исторіи. «Слово это (т.-е. гений), — говоритъ гр. Толстой, — не обозначаетъ ничего дѣйствительно существующаго и потому не можетъ быть опредѣлено. Слово это обозначаетъ только известную степень пониманія явленій... Я вижу силу, производящую несопротивляемое съ общечеловѣческими свойствами дѣйствіе, не понимаю, почему это происходитъ, и говорю: *гений*» (VI, 156). Гордіевъ узель загадки гр. Толстой не распутывается, а разрубается: мнѣ непонятна «сила производящая несопротивляемое съ общечеловѣческими свойствами дѣйствіе», вообще сила одного человѣка, и я говорю, что тутъ неѣть никакой даже силы, что это призракъ, простой ярлыкъ события, бурлящая струя, только кажущаяся руководительницей корабля. Можно и должно реалистически относиться къ «героямъ», не идеализируя ихъ изъ людей въ полубоговъ; но неумѣніе понять, въ чемъ ихъ реальная сила, не даетъ права превращать ихъ въ призраки, облеченные въ человѣческий образъ.

Гр. Толстой совершенно основательно борется съ старымъ воззрѣніемъ, по которому дѣятельность цѣлаго народа вмѣщается безъ остатка въ дѣятельности единичныхъ людей (VI, 231 и слѣд.), ибо, какъ онъ гово-